

18+

Татьяна Васечкина

ЧУЖИЕ КОРНИ НАЧАЛО

Книга I

Татьяна Васечкина

Чужие корни Начало. Книга I

«Издательские решения»

Васечкина Т.

Чужие корни Начало. Книга I / Т. Васечкина — «Издательские решения»,

Эта книга о приёмной семье Васильковых. «Зачем вам чужие дети? Вам что своих мало? Или вам деньги нужны?» — так обычно реагируют окружающие. В наш сытый эгоистический мир такие понятия, как сострадание, желание помочь обездоленным людям, явление не столь уж частое. Могут ли чужие корни прижиться? Могут ли приёмные дети стать по настоящему родными? Какие возникают проблемы, как реагировать на те или иные ситуации? Вот об этом эта небольшая книга. Одна из трёх.

© Васечкина Т.

© Издательские решения

Содержание

Пять особенных воспоминаний из моей жизни	6
1. Самое важное открытие	6
2. Шаг из отчаяния к новому свету	7
3. Сын	8
4. Жизнь прожита не зря	9
5. Первая книга	11
Книга первая	13
Глава I	14
СИНОПСИС	14
Глава II	15
Глава III	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Чужие корни Начало Книга I

Татьяна Васечкина

© Татьяна Васечкина, 2026

ISBN 978-5-0071-0123-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-0124-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пять особенных воспоминаний из моей жизни

1. Самое важное открытие

Пахло антисептиком. Над Таней горели яркие большие лампы. Хирург в белом халате ощупал живот и чем то помазал. В нос ударил резкий запах.

— В каком классе учишься?

— В пятом.

— А кем хочешь стать?

Хирургом.

Хирург поправил маску и покачал головой. Его взгляд стал серьезным. «Нет, детка, не советую. Выбирай что-то полегче. Эта работа... она заберет всего тебя. Ни семьи, ни личной жизни, ни сна. Беги, пока не поздно».

Она хотела возразить, что не боится, что готова, но темнота накатила мягкой тяжелой волной и унесла с собой.

Сознание вернулось вместе с болью. Она была совсем другой — тупой, разлитой, тяжелой. Каждый вдох отзывался тянущим ощущением в правом боку. Таня медленно открыла глаза. Белая палата, раннее утро за окном, тишина.

Медсестра, заметив, что она пришла в себя, улыбнулась: «Ну вот и отспалась. Папа твой всю ночь в приемной дежурил, не уходил. Мы ему только что сказали, что ты проснулась».

Сердце Тани сжалось от теплой благодарности.

Вскоре дверь приоткрылась, и на пороге появился он. Лицо его было осунувшимся, усталым, но глаза сияли таким облегчением, что Тане захотелось плакать. Нет, соседка обманула, что у неё не родной отец.

Он самый лучший, самый родной, самый любимый.

«Папочка...» — ее голос был слабым шепотом.

Он подошел, бережно взял ее руку и поцеловал в лоб. «Моя хорошая, как ты?»

А потом из-за спины он достал большую коробку. В ней, под целлофаном, сидела невероятно красивая, дорогая кукла в пышном платье. Такая, о которой Таня могла только мечтать, но никогда не просила — знала, что деньги в семье считать умеют.

«Это тебе... Чтобы скорее поправлялась», — сказал папа, и его глаза были влажными.

Таня прижала куклу к себе, к больному животу, и расплакалась. Не от боли, а от переполнявшей ее любви. Он просидел всю ночь у больницы, волновался, а потом еще и принес такой подарок. Своей дочке. И не правда, что он не родной. Он самый, самый родной. Соседка наврала. Не родные не могут так любить.

И в тот момент, глядя на любимое лицо отца, она поняла, что тот усталый хирург был неправ. Готовность отдавать всего себя — это не только про работу. Это и про то, как папа сидел в приемном покое всю ночь. И это было самое важное открытие в ее жизни.

2. Шаг из отчаяния к новому свету

Это был страшный, разорванный на части год. Трагически погиб папа. Он ехал с работы — и попал в аварию. Его подняли из-под машины... Он был неузнаваем.

На похоронах у Тани подкашивались ноги, сознание уплывало в черную пустоту. Внутри жила безумная надежда: в морге ошиблись, это чужой человек. Вот-вот дверь откроется, войдет папочка, возьмет ее за дрожащую руку и скажет: «Пойдем отсюда, дочка, здесь так страшно».

Рядом с Таней был друг. Он держал ее, не давая рассыпаться в прах, подставляя плечо, когда не хватало сил стоять. И вот этот друг, спустя полгода, сделал ей предложение. Она согласилась — тихо, почти беззвучно, увидев в его глазах то же спасение.

Мама лишь всплеснула руками и разрыдалась: «Как вы могли? Года после похорон не прошло! О свадьбе нельзя даже думать!» Но они подали заявление в ЗАГС вдвоем, как сообщники, идущие против всеобщей скорби.

Да, Таня была в простом платье без фаты, а ее жених — в брюках и обычной синей рубашке. Но вальс Мендельсона для них все же играл. Было горько и пустынно без родных улыбок, невыносимо больно от того, что папочка не видит, как сияет его дочка сквозь слезы.

Но жизнь жестока и неумолима: она продолжается даже тогда, когда самые дорогие сходят с дистанции, пополняя ряды небожителей. И они сделали свой шаг — из тьмы отчаяния к новому свету.

3. Сын

Василий не смог отпроситься с работы, и из роддома Таню забирала мама. Ей было немножко обидно, что он не настоял, что бы его отпустили. Такое событие бывает один раз в жизни. Мама бережно держала на руках своего первого внука, любовалась им и была даже как будто рада, что зять не пришёл встречать жену с сыном. Таня шла за ними к автобусной остановке и ей хотелось плакать. Она чувствовала себя одинокой. «Как брошенка» — промелькнуло в голове и от этого стало ещё горше.

Вечером он влетел в квартиру, скидывая промозглую куртку. В комнате, в люльке, лежал тёплый спелёнатый комочек.

Василий осторожно, боясь дышать, взял его на руки. Малыш сморщился и чмокнул губами. И тут огромная, мужская слеза упала на крохотную щёчку. А потом ещё одна.

«Сын» — прошептал Василий, прижимая к груди самое дорогое, что у него теперь было. «У меня есть сын»

Таня посмотрела на мужа и обида сразу куда то улетучилась. Она подошла и прижалась к его плечу. «Какое же это счастье иметь мужа и сыночка» — подумала она, улыбаясь.

4. Жизнь прожита не зря

Нас с Василием просто попросили надеть костюм и платье для семейной фотосессии к юбилею Золотой Свадьбы. «На память об этом дне» — сказала дочь, и мы послушно надели белое платье и костюм.

Но когда мы вошли в зал, у нас перехватило дыхание. Всё утонуло в цветах и белых драпировках. А главное — они, все наши. Вся наша огромная семья, сорок родных лиц: взрослые дети с супругами, внуки — от студента до карапуза, который едва ходит, и наши младшие, приемные. Особенно Вероника, сияющая с розой в руках. Вообще у каждого в руке была алая роза. И первый тост произнес наш старший сын, тот самый, чье рождение когда-то стало для Василия самым счастливым потрясением в жизни.

Мы стояли, слушая поздравления, и не стеснялись слез. Я смотрела на этого седого мужчину рядом, моего Васю, который когда-то так же трепетно брал на руки нашего первенца, и видела в его глазах то же самое счастье, только умноженное на десятки лет и судеб.

Тогда, полвека назад, мы были вдвоем. Две подписи в журнале Братского ЗАГСа, две свечи и безграничная вера в будущее. А сегодня это будущее стояло перед нами — шумное, многоголосое, любящее. Мы вытирали слезы и понимали — вот оно, самое главное богатство. Не зря жизнь прожита.

5.Первая книга

Дети. Приёмные. Их уже 11. Как мы только решились? И ведь вырастили, воспитали. Да, трудно было, но интересно. Вместе с ними росли и развивались. И вот все выросли. Завели свои семьи, подарили нам внуков. И где теперь кровные и где приёмные — все родные. Столько сил отдано, столько любви, труда. Нужно об этом написать. И про обидки тоже не забуду. Сколько слёз выплакано. И вот она самая настоящая, пахнувшая типографской краской первая книга. И обложка есть, символизирует содержание. Хорошо, что тогда в бору, эти корни у дерева сфотографировала. Как раз к содержанию и названию « Чужие корни. Начало»

Татьяна Васечкина
Чужие корни
Начало

Книга I

Книга первая

Начало

Глава I

СИНОПСИС

Как люди решаются брать чужих деток на воспитание? Какая причина? Как становятся родителями совсем незнакомым, чужим детям и что из этого получается? Становятся ли они родными в последствии?

Маленький мальчик Сёмка, долго не может привыкнуть к новой семье. Здесь всё не то и всё не так, как он привык. Очень хочет домой, но кровные родители понимают, что ничего не могут ему дать и не берут его обратно в семью. Только мама Лена очень тоскует по своему сыночку и верит, что всё это временно.

Однажды она не выдерживает и, боясь потерять сына совсем, забирает его назад в семью. За это короткое время мальчик сопоставляет жизнь в этих двух семьях и выбирает жить в приёмной. Но всё ли будет гладко? Не пожалеет ли он и его родители, что сделали такой выбор? А приёмная семья? Какая она? Хватит ли любви на всех кровных, приёмных и внуков? Это легко или есть борьба?

Ответы на все эти вопросы содержатся в данной повести. Имена изменены, но все события описаны достоверно. Первая книга, «Начало», повествует о Семёне, первом приёмном ребёнке.

Глава II

Встреча на крыльце

Наташа с мужем приехали в гости к знакомым. На пороге их встретил друг семьи и сразу повёл в дом.

На крыльце сидел крошечный мальчик с тарелкой на коленях. Он жадно запихивал в рот макароны, помогая себе пальцами. Малыш ел торопливо, испуганно оглядываясь по сторонам, — он был похож на затравленного дикого крольчонка. Взрослые проходили мимо, удивлённо поглядывая на него, а он продолжал судорожно глотать еду, почти не пережёвывая.

Наташа вопросительно посмотрела на хозяев дома.

— Это соседский мальчик, Сёмка, — тихо ответил на её немой вопрос хозяин дома, Сергей. — Мы забрали к себе его старшего брата, а малыша взять не можем. У нас свои грудные дети, а в их доме жуткая антисанитария. Боимся, что заразу какую-нибудь принесёт. Отец там беспробудно пьёт, причём вместе со старшим сыном, которому всего пятнадцать. Мать тяжело больна, совсем не встаёт. Вот мы Володю, среднего, и приютили. Ему двенадцать, он парень понятливый. К родителям не ходит, но за маленького брата испереживался весь, постоянно просит его покормить.

Сергей вздохнул и продолжил:

— Сёмку бы тоже в семью взять: отмыть, паразитов вывести... Да только он ведь глупый ещё, не поймёт — обратно к матери убежит, мы же рядом живём. Он для неё еду со стола просит, носит ей, кормит сам. Отец-то о них совсем не заботится.

Наташа посмотрела через окно на сидящего на крыльце малыша, и её сердце сжалось от боли. Тоненькие худые ручонки, грязная замасленная одежда и острые, словно углы, плечики.

— Сколько ему? — тихо спросила она.

— Четыре года. В ноябре пять будет.

— Значит, сейчас четыре с половиной, — задумчиво произнесла Наташа. — А если мы его к себе заберём? Ну, как в отпуск. Чтобы помочь немного и мальчика поддержать. Родители отпустят?

— Да конечно отпустят! Пойдём прямо сейчас и поговорим.

Взрослые вышли на крыльцо. Наташа присела перед мальчиком:

— Привет, Сёмушка. Хочешь поехать с нами в гости на машине?

Семён внимательно посмотрел на неё своими огромными детскими глазёнками и часто-часто закивал головой.

— Ну, тогда пошли отпрашиваться у родителей, — скомандовал Сергей.

Он взял малыша за руку, и они пошли к соседскому дому. Назад Сергей вернулся на удивление быстро и весело сообщил:

— Ну всё, забирайте Семёна! Родители с радостью его отпустили.

Наташа растерялась. В голове не укладывалось: как можно так просто отдать маленького ребёнка совершенно незнакомым людям?

— А одежда у него есть? — тихо спросила она.

Сергей лишь качнул головой.

— Ну ладно... Тогда прямо сейчас и поедem, — решительно сказала Наташа.

Она легко, словно пушинку, подхватила мальчика на руки. Тот крепко вцепился в неё, боясь отпустить. Помахав хозяевам на прощание, они пошли к машине.

Дома их ждали двое подростков — Семён и Лена, младшие из пяти детей Натальи и Николая (трое старших уже жили своими семьями).

— Знакомьтесь, у нас гости! — громко объявила Наташа, заходя в дом.

Малыш всё ещё судорожно держался за её куртку.

«Не бойся, маленький, здесь тебя никто не обидит. Сейчас кушать будем», — прошептала она ему на ушко.

Наташа осторожно опустила Сёму на пол. Мальчик испуганно озирался, мелко дрожа от страха. Из комнаты вышел старший Семён и с доброй улыбкой протянул малышу руку:

— Как тебя зовут?

— Семён... — еле слышно пролепетал кроха.

— И я Семён! Давай дружить? Я тебя на велосипеде катать буду!

Наташа улыбнулась, но тут же перевела взгляд на грязную одежду мальчика:

— Так, сначала — мыться!

Она принесла большую оцинкованную ванну, в которой обычно замачивала бельё. Стиральная машинка в доме была старенькая, полуавтомат, поэтому стирка всегда требовала много сил. Муж Наташи быстро затопил печь и поставил греться огромную кастрюлю с водой.

Наташа засуетилась. В голове крутилась тревожная мысль: «Во что же мне его переодеть?» С деньгами в семье было туго, купить что-то новое прямо сейчас они не могли. Одежда её сына была Сёмке настолько велика, что в ней этот худенький малыш просто утонул бы.

Первым делом нужно было избавить ребёнка от вшей. Наташа густо намазала его голову чемеричной водой — это было единственное дешёвое средство, на которое хватило денег в аптеке по дороге. Повязала плотный платок.

Через пару минут мальчик начал беспокойно бить себя ручонками по голове:

— Ой, ой, что вы сделали? Букашки мне в голову лезут!

— Потерпи, мой хороший, потерпи. Сейчас они погибнут, и голова больше никогда не будет чесаться.

И действительно, вскоре зуд утих. Малыш успокоился, расслабился и с неподдельным детским любопытством стал разглядывать незнакомую комнату.

— А игрушки у вас есть? — тихо спросил он, заглядывая Наташе в глаза.

Семён-старший протянул малышу пластмассовую машинку, которую недавно кропотливо собирал сам. Малыш потянулся к ней своими крошечными ручками, но пальцы не послушались — игрушка выскользнула и с грохотом упала на пол. Детали со звоном разлетелись во все стороны.

Сёмка в ту же секунду зажмурился, вжал голову в плечи и весь сжался, ожидая удара.

— Эй, ты чего? Не бойся, сейчас соберём! — ласково успокоил его старший брат. Он опустился на колени, положил несколько деталек себе на ладонь и улыбнулся: — Помогай, давай!

Словно очнувшись, малыш бросился собирать конструктор. Он торопливо заглядывал под стол, стулья и даже полез под печь, которая высилась в углу на причудливых чугунных ножках.

К этому времени вода согрелась. Николай начал наполнять ванну, а Наташа принесла с веранды глубокий эмалированный тазик.

— Ну, иди сюда, давай разматывать платки, — ласково позвала она мальчика.

Наташа тихонько наклонила его голову над тазиком и осторожно, пригоршнями, стала поливать редкие волосики тёплой водой. Шампуня в доме не водилось — небогатая семья пользовалась обычным хозяйственным мылом, тем самым, которым стирали бельё. Наташа густо намылила Сёмке голову, бережно повернула его спиной к воде и, придерживая затылок одной рукой, начала аккуратно смывать пену, следя, чтобы едкое мыло не попало в глаза.

— Коля, полей нам, пожалуйста, — попросила она мужа. — А ты, Сёмушка, зажмурься покрепче, а то глазки щипать будет.

Мальчик изо всех сил сжал веки. Николай тонкой струйкой лил тёплую воду из кувшина, а Наташа нежно гладила мокрые волосы, вымывая остатки пены.

— Ну вот и всё! Теперь тебя никто кусать не будет, — облегчённо вздохнула она.

Наташа ловко перехватила у мужа чистое махровое полотенце, накинула его на голову Сёмы и хорошенько потёрла волосы. Развернув полотенце на вытянутых руках, она внимательно вгляделась в ворс.

— Смотри-ка, вот они, мучители твои. Все погибли, — показала она мальчику на крошечные тёмные точки. — Давай-ка мы тебя ещё частым гребешком причешем.

Через пару минут волосики легли ровно и аккуратно.

— Ой, какой красивый мальчик у нас получился! Леночка, принеси нам, пожалуйста, зеркало.

Из комнаты вышла пятнадцатилетняя Лена. Она молча протянула зеркало и тут же ушла обратно к себе. Было видно, что ни неожиданный гость, ни все эти хлопоты её совершенно не интересуют.

Глава III

Купание в большой ванне

Наташа аккуратно стянула с мальчика грязную одежонку и попыталась пересадить его в ванну.

— Зачем? Я же уже помылся! — жалобно, со слезами на глазах запротестовал Сёмка.

— А пузико? Кто же пузико мыть будет? — улыбнулась Наташа. — Сёма, принеси-ка нам какие-нибудь игрушки, мы их тоже искупаем!

Старший Семён тут же притащил целую охапку пластмассовых машинок и высыпал их прямо в тёплую воду. Малыш заворожённо уставился на них и несмело перешагнул через бортик.

Купание затянулось. Сёмка увлечённо катал машины по воде, а Наталья то и дело подливала из чайника горячую воду, бережно загоразживая ладонью худенькое детское тельце от брызг. Когда пришло время вылезать, мальчик наотрез отказался расставаться с игрушками. Пришлось пойти на хитрость: собрать весь «автопарк» и перенести его на кровать.

Николай бережно завернул распаренного, пахнущего мылом малыша в простыню и отнёс к игрушкам. Наташа натянула на него старую футболку своего сына. Сёмка буквально утонул в ней — ему стоило больших трудов высунуть ручки из огромных рукавов, чтобы продолжить игру. Грязные, засаленные обноски, в которых он приехал, без сожаления отправили в топку печи.

«Но во что же его одеть завтра? У кого просить?» — лихорадочно думала Наташа. У ближайших соседей подрастали только девочки.

Она решила попытать счастья у соседки через дорогу. Та быстро всё поняла, зашуршала шкафами и вынесла чистую байковую пижамку, трикотажные спортивные штанишки дочки и простенькую футболку. На первое время этого было вполне достаточно.

Когда за окнами сгустились сумерки, а начал капризничать.

— Я к маме хочу... Отвезите меня домой, — захныкал он, трогая пальчиками глаза.

— Иди ко мне, маленький. Давай я тебя покачаю, песенку спою, — ласково предложила Наташа.

— Нет, я к маме хочу! Я привык с ней спать, — продолжал канючить мальчик.

Наташа взяла его на руки, прижала к себе и принялась мерно ходить по комнате, тихонько напевая старую колыбельную:

«Баю-баю-баю-бай,

Не ложись ты на край.

А то с краю упадёшь,

Себе носик разобьёшь...

Придет серенький волчок

И укусит за бочок...»

Когда-то под эту песню засыпали её собственные дети. Но Сёмка спать не хотел. Он лежал, уставившись в потолок широко открытыми глазами.

— А «лесли» я завтра не проснусь? — вдруг совсем несонным голосом тихо спросил мальчик.

У Наташи перехватило дыхание от этого взрослого, пугающего вопроса в устах четырёх-летнего ребёнка. Она крепче прижала его к груди.

— Да куда же ты денешься, глупыш? Обязательно проснёшься, — сдерживая дрожь в голосе, заверила она его.

Нежное, щемящее чувство неистраченной материнской любви переполнило её сердце. Она поняла, что уже безумно любит этого взъерошенного, испуганного малыша с его смешным словечком «лесли».

Утром Семён проснулся очень рано. Он не кричал, а плакал — тихо, горько, безутешно.

— Ты чего, малыш? — тут же подскочила к кровати Наташа. — Я здесь, с тобой.

— Где мама?.. Я к маме хочу...

— Мы обязательно поедем и навестим твою маму. А сейчас давай умоемся и будем кушать.

Слыша слово «кушать», Семён заплакал ещё громче, и в его голосе зазвучала совсем не детская тревога:

— Мама кушать хочет! Кто кормить её будет? Кто ей еду принесёт?!

Наташа почувствовала, как к горлу подкатил ком. Этот голодный, неумытый ребёнок, которого самого едва спасли от паразитов, думал не о себе. Он переживал за больную мать.

— А вот мы с тобой и принесём, — мягко сказала Наташа, глядя его по плечу. — Сейчас мы плотно покушаем, соберём гостинцев и поедем к ней на автобусе. Договорились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.